

ЛЁД *полнит* ВСЁ

ЭВАН ВОРН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эван Ворн

Лёд помнит всё

<https://litres.ru/74357184>

SelfPub; 2026

Аннотация

Между ними — пропасть в два года, которые она не помнит. Между ними — его вина, о которой он молчит. Между ними — лёд.

Диана вернулась в фигурное катание, но чувствует себя чужой на собственном льду. Техника безупречна, но внутри — пустота. И только когда рядом появляется он — высокий, молчаливый, с глазами, полными боли, — её тело начинает оживать. Вспоминать то, что мозг упорно прячет.

Она ненавидит его за то, что он знает о ней больше, чем она сама. Он ненавидит себя за то, что сделал. Но между ними есть то, что сильнее ненависти. То, что лёд помнит до сих пор.

Драма. Страсть. И второй шанс, который может стоить им всего.

Содержание

Глава 1. Арена	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эван Ворн

Лёд помнит всё

Глава 1. Арена

«Виолончель разрезает тишину, как конёк — свежий лёд. И я снова падаю в снег, где кто-то целовал меня в нос. Жаль, что этот кто-то теперь — моя самая тёмная тайна.»

Диана

Пахнет хлоркой и старым деревом. Этот запах въелся в мои лёгкие ещё в пять лет, когда мама впервые привела меня сюда, в «Юность». Тогда я думала, что пахнет счастьем. Теперь мне кажется, что так пахнет клетка.

Я сижу на деревянной скамейке в раздевалке. Здесь всё то же самое: облупившаяся зелёная краска на стенах, крючки для одежды, половина из которых сломана, и зеркало в трещине, которое врёт на десять лет. Я смотрю в него и вижу чужое лицо. Моё лицо, но чужое.

Длинные тёмные волосы, которые я собрала в высокий хвост, чтобы не мешали. Светлая кожа — слишком бледная,

как у вампира из дешёвого сериала. Под левой скулой тонкий белый шрам. Я не помню, откуда он. Мама говорит, что я упала в детстве. Я ей не верю.

Глаза карие, с золотыми искрами, но сейчас в них нет искр. Только усталость и паника. Паника живёт где-то в груди, сжимает рёбра, когда я думаю о том, что сейчас выйду на лёд.

— Диана, ты готова? — голос Галины Петровны режет воздух. Она стоит в дверях, сложив руки на груди. Её челка седая, взгляд стальной. Она тренирует меня с первого класса и никогда не была мягкой. Но сейчас она смотрит на меня так, будто я стеклянная. Или будто ждёт, что я рассыплюсь.

— Да, — говорю я и ненавижу, как дрожит мой голос.

Я затягиваю шнурки на коньках. Пальцы дрожат, и я не могу справиться с узлом. Ну же, твою мать. Это просто коньки. Ты делала это тысячи раз. Я делала это тысячи раз? Вроде да. Но память — это такая штука: если её отключили на два года, то даже завязывать шнурки становится подвигом.

— Не торопись, — говорит Галина Петровна тише. Она знает. Все знают, что я — девочка, которая упала с лестницы год назад и забыла всё, что было до шестнадцати лет. Так мне сказали. Упала с лестницы. В гололёд. Ударилась головой. Два года выпали, как будто их вырезали ножницами.

Только я чувствую, что это ложь. Я чувствую это каждый раз, когда смотрю на фотографии в мамином телефоне: на них я улыбаюсь, обнимаю кого-то, кто стёрт с фото. На них я

стою на пьедестале с золотой медалью, и глаза у меня горят. Сейчас они не горят.

Я встаю. Коньки привычно облегают ноги, мышцы помнят, как стоять, даже если мозг не помнит. Тело — подлый предатель. Оно помнит всё, а я — нет.

Раздевалка пустая. Остальные девочки уже на льду, я слышу их голоса, смех, скрежет коньков. Кира сегодня утром говорила что-то весёлое про новый клип, но я не слушала. Я вообще плохо слушаю последнее время. Слишком много мыслей, которые никуда не ведут.

Выхожу в коридор. Здесь холодно, из-под двери на лёд тянет морозным воздухом. Я делаю шаг, второй. Металлические лезвия цокают по бетонному полу. Сердце колотится где-то в горле.

— Диана, — окликает меня Кира. Она высовывается из-за бортика, рыжая голова торчит как одуванчик. — Давай, ты справишься!

Я киваю. Справлюсь. Конечно, справлюсь. Я всегда справлялась. Я же Диана Черткова, та, что в пятнадцать лет сделала тройной лутц на глазах у самой Тарасовой. Так говорят. Я не помню этого, но все говорят.

Я ступаю на лёд.

И в ту же секунду мир переворачивается.

Нога скользит. Я не теряю равновесия, нет, техника никуда не делась. Но внутри — внутри такое чувство, будто я наступаю на стекло. Страх. Иррациональный, животный страх,

который не имеет логики. Лёд — это холодная, твёрдая поверхность, она не может меня убить. Но мой мозг кричит: *осторожно, здесь опасно, здесь ты уже падала, здесь ты сломалась.*

Я выдыхаю. Останавливаюсь у центра арены. Свет софитов режет глаза, я щурюсь. Трибуны пустые, только тренер стоит у бортика, и девочки катаются по кругу, разминаются.

Я начинаю движение. Просто по кругу. Легко, на расслабленных ногах. Коньки скользят идеально, лёд — гладкий, как зеркало, сегодня его заливали ночью, и он пахнет свежестью. Я делаю несколько оборотов, и постепенно страх отступает. Тело берёт контроль. Руки разведены, спина прямая, я чувствую каждый мускул. Я фигуристка. Это единственное, что я знаю точно.

Галина Петровна даёт задание: сделать каскад двойной тулуп — двойной риттбергер. Я киваю. Разгоняюсь, выпрыгиваю, вращаюсь в воздухе — приземляюсь. Чисто. Второй прыжок — чисто. Лёд встречает меня как родного.

Я слышу одобрителный возглас Киры. Улыбаюсь краем губ. Может, всё не так плохо.

Но потом музыка сменяется. Кто-то включает другую композицию, старую, с виолончелью. И я замираю.

Это мелодия. Она бьёт в уши, и я не могу дышать. Где-то глубоко, на дне моего сознания, что-то щёлкает. Я вижу картинку: чьи-то руки на моей талии, я кружусь, надо мной — лицо, тёмные волосы, глаза почти чёрные, он смеётся, и

я смеюсь, мы падаем в снег, и он целует меня в нос. В нос, дурак.

Я резко останавливаюсь, едва не падая.

— Выключите, — говорю я хрипло. — Выключите эту музыку.

Галина Петровна машет рукой звукооператору, и тишина повисает над льдом. Девочки смотрят на меня. Кира открывает рот, но ничего не говорит.

— Всё нормально, — выдавливаю я. — Просто голова закружилась.

Это ложь. Но они принимают её. Все привыкли, что у меня голова кружится.

Я отворачиваюсь и продолжаю кататься. Но теперь я чувствую, что за мной наблюдают. Не девочки, не тренер. Кто-то другой. Я поднимаю глаза к стеклянным панелям, разделяющим лёд и коридор. Там, в темноте, стоит фигура.

Высокий. Широкий в плечах. Я не вижу лица, только силуэт, но моё тело реагирует раньше, чем я успеваю подумать. Кожа покрывается мурашками, сердце пропускает удар, а потом начинает биться как бешеное. В горле пересыхает, и я сжимаю кулаки.

Злость. Огромная, кипящая злость. Я не знаю, откуда она, но она захлёстывает меня с головой.

Кто это? Почему я хочу кричать на него, швырнуть в него коньком, разбить это стекло и заставить его убраться?

Фигура исчезает. Я моргаю, и его уже нет. Только пустой коридор и дрожащий свет лампы.

Я заканчиваю тренировку механически. Делаю всё, что говорит Галина Петровна, не думая. У меня в голове — каша. Музыка, руки, тот силуэт. Я вспоминала что-то? Или просто выдумала? Мозг иногда подкидывает мне фантомы, врачи сказали, что это нормально. Но этот — не фантом. Он был слишком реальным.

Когда я ухожу в раздевалку, я краем глаза смотрю за стекло. Там никого.

Кира забегает следом, трещит как сорока:

— Ты сегодня классно сделала каскад, прям как раньше! А этот твой выпад, когда музыка заиграла, ты чего? Тебе плохо? Может, вызвать врача? Или просто поесть хочешь? Я знаю, ты не завтракала, у тебя в рюкзаке только яблоко, я видела.

— Я в порядке, — говорю я, развязывая коньки. — Кто стоял за стеклом?

Кира замолкает. На секунду её лицо становится странным — испуганным, что ли. Но она быстро берёт себя в руки.

— Никого не было, — говорит она слишком бодро. — Ты просто устала. Тебе кажется.

— Кира.

— Ну, может, кто-то из родителей, — она пожимает плечами. — Или техник, они всегда торчат в коридоре. Забудь. Не забуду. Я запоминаю каждую деталь. Его плечи, рост,

то, как он стоял, чуть склонив голову набок. Он смотрел на меня. И я — я знала его. Моё тело знало его.

Выхожу из Дворца спорта. На улице осень, ноябрьская промозглая сырость. Дождь мелкий, ледяной, ветер с реки пронизывает до костей. Я накидываю капюшон и иду к остановке. Город Северогорск серый, унылый, тополя стоят голые, как спицы. Никаких красок, только мокрый асфальт и неон вывески магазина «Продукты».

Сажусь в маршрутку. Толкучка, запах мокрых курток и сигарет. Я забиваюсь в угол, смотрю в окно. В стекле отражается моё лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами. Шрам на скуле кажется ярче, чем обычно.

Кто ты? — спрашиваю я у себя. — Кто ты, Диана? Что случилось с тобой два года назад?

Ответа нет.

Дома пахнет борщом. Мама уже вернулась с работы, она в халате, у плиты. У неё всегда уставшие глаза, она медсестра в травмпункте, видит всякое. Она смотрит на меня с тревогой, но не лезет с вопросами. Мы обе научились молчать о главном.

— Есть будешь? — спрашивает она.

— Не хочу, — говорю я и прохожу в свою комнату.

Комната маленькая, узкая, как пенал. На стенах — старые плакаты с фигуристками, которые я не помню, когда вешала. На полке — кубки и медали. Мои. Мои успехи, о которых я не помню.

Я сажусь на кровать и снимаю мокрые джинсы. В голове — этот силуэт, его плечи, его взгляд из темноты. И почему меня так трясёт от одного его вида?

Я зарываюсь лицом в подушку. Пахнет домом, старым шкафом, маминым стиральным порошком. В груди всё ещё колотится сердце. Я не понимаю, что со мной. Раньше я думала, что потеря памяти — это просто пустота. Что я свободна от прошлого. Но сейчас я чувствую: прошлое не ушло. Оно там, подо льдом, ждёт, когда я провалюсь.

И он ждёт. Тот, кого я не помню, но ненавижу так сильно, что пальцы сжимаются в кулаки.

Я закрываю глаза. И передо мной снова музыка, виолончель, его руки на моей талии, его смех. Я слышу этот смех, и внутри всё переворачивается.

— Кто ты, чёрт тебя дерит? — шепчу я в темноту.

Ответа нет. Только дождь барабанит по стеклу, и где-то далеко, в старом Дворце спорта «Юность», заливают лёд, чтобы завтра я снова вышла на него.

Лёд помнит всё. Даже то, что я хочу забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.